

на 31,2%, наблюдается рост больных наркоманией вследствие употребления наркотиков каннабиноидной группы (+21,6%).

В Иркутской области по результатам социологических исследований, отраженных в отчете АНК, по-прежнему преобладают наркотики каннабисной группы, поскольку 81,6% (в 2018 г. – 92%) опрошенных лиц, пробовавших наркотики и употребляющих наркотики в настоящее время, указали на их употребление. Достоверность ответов не вызывает сомнений, поскольку дикорастущая конопля произрастает в большинстве муниципальных образований Иркутской области.

Рейтинг видов наркотиков, которые употребляют/употребляли респонденты (% от числа ответов респондентов, пробовавших наркотические вещества) в Республике Хакасия показал, что первое место среди названных наркотиков занял ответ «конопля»: ее употребляли 35,4% опрошенных, пробовавших наркотические вещества.

Что касается Республики Тыва, то, поскольку в этом регионе большие площади дикорастущей конопли (к примеру, за 9 месяцев 2020 г. фактический выявленный объем площадей, засоренных дикорастущей коноплей, составил 2177,7 га), в структуре наркопотребления явно преобладают каннабиноиды.

Таким образом, в СФО употребление синтетических наркотиков преобладает в Томской области. Распространение синтетических наркотиков и опиатов отмечено в Алтайском и Красноярском краях и в Новосибирской области. В Омской области отмечается преобладание опиатов. В Республике Алтай и Кемеровской области – наркотики группы конопли, потом опиаты и синтетические. А вот в Иркутской области, республиках Хакасия и Тыва – каннабиноиды.

Тепляшин П.В.,

DOI 10.51980/2021_3_50

доктор юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

«Сбалансированное» правосудие в контексте криминологических перспектив профилактики наркопреступности

Существующая проблема наркопреступности и потребления наркотиков в немедицинских целях обуславливает реализацию самых разнообразных мер, направленных на противодействие соответствующим негативным явлениям и процессам. В этом контексте особый криминологический интерес представляет так называемое «сбалансированное» правосудие, которое отражает модель «лечебного суда» – практикоориентированной идеи, которая развивается такой американской некоммерческой организацией, как Национальная ассо-

циация судебных экспертов по наркотикам (National Association of Drug Court Professionals (NADCP)). Первые специализированные «лечебные» («наркологические») суды (по работе с правонарушителями, страдающими наркозависимостью), а также суды DWI («вождение в нетрезвом состоянии») стали функционировать в Майами (США) в 1989 г. Работа таких судов направлена в первую очередь на решение вопросов по лечению и реабилитации наркопотребителей и только затем – на избрание соответствующих мер пресечения и наказания за совершенное преступление. Основываясь на концепции терапевтической юриспруденции и десяти руководящих принципах «сбалансированного» правосудия, суды готовят и утверждают индивидуальные планы лечения таких лиц. Так, например, четвертый принцип указывает на важность предоставления всесторонних и доступных лечебных и реабилитационных услуг наркопреступникам с привлечением лечебных наркологических учреждений, тогда как шестой принцип закрепляет необходимость применения санкций (в частности, устное предупреждение, увеличение частоты тестирования на наркотики, штраф, общественные работы) в отношении данных лиц, если они не соблюдают свои обязательства.

Соответственно, суть «сбалансированного» правосудия состоит в одновременной реализации наказания и реабилитации осужденных с наркотической зависимостью. При этом следует отметить, что научная общественность в целом позитивно смотрит на теоретическую обоснованность и опыт реализации такого подхода к проблеме противодействия наркоугроз. Как отмечают Кассандра Аткин-Планк (Cassandra A. Atkin-Plunk) и Линкольн Слоас (Lincoln B. Sloas), «расширение доступа к услугам лечения наркопреступников в настоящее время ценится общественностью и наркопреступники заслуживают доступа к программам лечения»¹.

Активно реализация идей «сбалансированного» правосудия началась после того, как в рамках реализации стратегии «Войны с наркотиками» («War on Drugs») с начала 1980-х гг. в США широкое применение пенальных наказаний в отношении наркозависимых преступников стало приводить к росту числа осужденных, отбывающих тюремное заключение, но не решало задачи их лечения и последующей реабилитации, затормаживая тем самым применение института досрочного освобождения из мест изоляции от общества. В настоящее время в специальных исследованиях отмечается, что реализация концепта «сбалансированного» правосудия в отношении преступников,

¹ Sloas L.B., Atkin-Plunk C.A. Perceptions of Balanced Justice and Rehabilitation for Drug Offenders // Criminal Justice Policy Review. 2019. V. 30. I. 7. P. 993-994.

обладающих наркотической зависимостью, эффективно влияет на снижение повторной преступности данной категории осужденных¹.

С криминологической точки зрения реализация «сбалансированного» правосудия в контексте профилактики наркопреступности имеет ряд проблемных полей, которые снижают перспективы его экстраполяции на отечественную систему общественных отношений:

– в Российской Федерации не в полной степени функционирует системный подход к работе с наркозависимыми лицами, которые как уже совершили преступление, так и еще не обратились к криминальному образу жизни. Данная система должна включать выявление, диагностику, лечение, реабилитацию лиц, больных наркоманией, и послереабилитационный мониторинг продолжительности ремиссии и их склонности к немедицинскому потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов;

– отсутствует практика (согласно п. «а» ст. 15 Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года в России не допускается применение методов заместительной терапии при лечении наркомании) реализации заместительной (как правило, в мировой практике используется такие наркотики, как диаморфин, метадон) терапии, что зачастую приводит к отказу наркопотребителя от добровольного прохождения курса лечения от наркомании и дальнейшей реабилитации (например, в рамках института отсрочки отбывания наказания больным наркоманией) и, соответственно, приводит к принудительному направлению такого лица в лечебное исправительное учреждение для больных наркоманией;

– достаточно высокая степень карательных притязаний к лицам, совершившим наркопреступления (например, неквалифицированные приобретение, хранение или перевозка наркотиков в значительном размере, предусмотренные ч. 1 ст. 228 УК РФ, влекут уголовное наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет, тогда как приобретение, хранение или перевозка наркотиков в особо крупном размере – уже от десяти до пятнадцати лет), существенно затрудняет применение альтернативных мер уголовно-правового характера в сочетании с всесторонними и доступными лечебными и реабилитационными услугами наркопреступникам.

Отмеченные моменты не свидетельствуют о недостатках избранной в Российской Федерации модели противодействия наркоугрозе, но лишь указывают, что реализация «сбалансированного» правосудия в контексте профилактики наркопреступности неприе-

¹ DeVall K.E., Gregory P.D., Hartmann D.J. Extending recidivism monitoring for drug courts: Methods issues and policy implications // International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology. 2017. V. 61. I. 1. P. 80-99.

млема для отечественной антинаркотической деятельности, поскольку рассматриваемый концепт не отражает уникальность и неповторимость российского пути обеспечения национальной безопасности и не «вписывается» в реализацию государственной антинаркотической политики.

Александров А.С.,

DOI 10.51980/2021_3_53

доктор юридических наук, профессор
Нижегородская академия МВД России

Правовая организация противодействия наркопреступности

Наркопреступность представляет собой одну из наиболее серьезных угроз национальной безопасности. Поэтому правовая организация противодействия этой преступности – одна из важнейших задач уголовной политики в любом государстве.

Национальная правовая организация противодействия этому виду преступности складывается на сложившемся в данном государстве типе уголовного судопроизводстве, включающем в себя и судоустройство.

Мы определяем правовую организацию противодействия преступности как систему органов уголовной юстиции и уголовно-процессуальных форм ее деятельности по применению уголовного законодательства в случаях его нарушения.

Концептуально выделяются два института в уголовно-процессуальной компоненте этой правовой организации, а именно обвинение и доказывание. Тот орган, который выдвигает обвинение и доказывает его, является главным действующим субъектом в правовой организации, о которой идет речь. Обвинитель приводит в действие судебный механизм. Он является хозяином обвинения и уголовного дела и принимает решение о направлении дела в суд. Он формирует обвинительные доказательства, которыми в суде поддерживает обвинение, тем самым опровергая презумпцию невиновности подсудимого, и добивается от суда признания правомерности обвинения и, соответственно, решения о применении уголовного закона к виновному.

Обвинение мы трактуем в широком смысле как институт, включающий в себя нормы, регулирующие порядок формулирования подозрения, а затем выдвижение в суде обвинения с целью установления материально-правового основания уголовной ответственности.

Уголовно-правовая составляющая данной «организации», то есть уголовный закон (УК РФ), также имеет немаловажное значение.